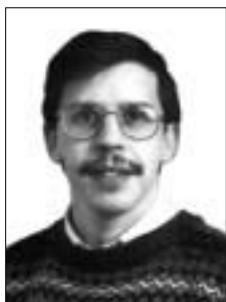

В ПОИСКАХ ШКОЛЫ ПОЛНОГО ДНЯ

Традиция полного школьного дня прочно укоренилась в большинстве стран Запада ещё в середине прошлого века. Некоторые социологи считают, что именно этому достижению цивилизации многие европейские государства обязаны пониженным фоном детской преступности, высокими экономическими показателями и уровнем жизни. Сокращённый график работы школ сохраняют, однако, Италия, Германия, страны Балтии, Россия. Учёные склонны объяснять этот факт как последствие многолетнего тоталитарного режима.

Новый стандарт детской жизни

Антон Зверев,
обозреватель
газеты
«Московские
новости»

Сегодня только ленивый не сетует на растущие без удержу учебные нагрузки в школах. «Пожалейте детей!» — взывают сердобольные хирурги-реформаторы и приступают к очередной, неведь какой по счёту расчистке авгиевых конюшен образования. Но свято место пусто не бывает, и получается: одной рукой режем учебные планы, другой — закладываем новые курсы, предметы, основы, факультативы «обязательного выбора». Всем, к слову сказать, это выгодно — составителям «в корне перелопаченных, безопасных для здоровья» стандартов, авторам новых пособий по ним, издателям, методистам, серебролюбивым чиновникам... Всем, кроме самих детей. Поэтому системный, «окончательный», как говорил герой Булгакова, способ решения проблемы информационных перегрузок видится в модели «полный день». Будучи обязательной для школ и педагогов, но не для учеников (!!!), она позволит оптимально, сообразно обстоятельствам, сочетать «игру ума» и «потребности тела» в течение всего пребывания ребёнка в школьных залах. Именно так, кстати, строился «рабочий день» в лучшем, по признанию ЮНЕСКО, учебном заведении всех времён и народов — Царскосельском Александровском лицее, где учился юный Пушкин.

По мнению медиков, нагрузка старшеклассника не должна превышать 40 часов в неделю. А в реальности, вместе с домашними заданиями, она давно перешагнула 50-часовой рубеж, продолжая расти. Это не считая подготовки к вузу, прочих якобы второстепенных дел и увлечений, без которых человека просто нет. На круг выходит более 10 часов в сутки. Мы-то хоть деньги получаем за свою работу, а они?!.

Мало того, взрослые (вспомним историю) ещё в начале XX века отвоёвали себе право на 8-часовой рабочий день, эта норма зафиксирована действующим КЗоТом РФ. Складывается парадоксальная ситуация, при которой права полноценных граждан охраняются сводом законов о труде, а права «неполноценных» малолетних — попираются чуть ли не всеми и везде, ибо ни в каких бумагах (кроме ведомственных) не фиксируются. Царство сплошной импровизации, гигантская законодательная брешь — вот что, по сути, представляет собой наша постсоциалистическая школа с точки зрения юриста.

Ибо, повторимся, нет в стране такого документа, где сидение ученика за партой было бы квалифицировано как особый вид труда. А что же это в таком случае? Для педагога — ремесло, свободно избранное, а для малыша? Повинность? Обязательная, как говорят иногда, каторга? Курс приобщения к общекультурным навыкам и нормам? Время и место для развития природных дарований?

Очевидно: и то, и другое, и третье. А где-то, вероятно, и десятое. Потому что это их жизнь. Отсюда неотложная обязанность государства — обеспечить минимальные **стандарты полноценной и здоровой детской жизни**. Подчеркнём: стандарты обслуживания человека, то есть требования, предъявляемые к качеству услуг, но не к самому ребёнку. Что это значит на деле?

Начнём с помещений. Руководители советского образования привычно жаловались на их дефицит. Теперь, когда рождаемость в стране резко упала, стали поговаривать о «лишних метрах» — надо, де, снова уплотнить детвору. Значит, прощайте, большие читальные залы, интерактивные музеи, мастерские, комнаты психологической разгрузки, игротеки, зимние сады, компьютерные клубы, «вкусные» автоматы, спортивные тренажёры, кафетерии и фитобары?

Такую политику мало назвать близишкой. Если смотреть на школьный класс как на самую востребованную точку массового сервиса (где производится услуга, а не её потребитель), то очевидно: учителя здесь работают, постоянно служат своим подопечным, а дети — заходят, как свободные клиенты в магазин, чтобы приобрести что-то нужное и продолжить поиски в других «точках знаний». Поэтому в благополучных странах учитель всё время служит ребёнку — на занятиях, между и после них, скажем, во время прогулки или репетиции спектакля. У нас же, наоборот, будто в царстве кривых зеркал, дети постоянно служат педагогам тем, что отсиживают уроки, по числу которых им и начисляется зарплата. Примечательно, что в конце 1920-х годов в СССР насчитывалось до 150 видов школьных (!!!) кружков: от «любителей марок», шахматных и драматических до кулинарных, санитарных, хореографических и даже политических. «Необходимо, — отмечала Н. Крупская, — чтобы детский и подростковый кружок стал бытовым явлением... Поставят себе общую цель — пусть образуют

кружок, спаянный общим интересом. Не нужно только никаких уставов, формальностей, которые живое дело могут легко превратить в мертвечину, отбить у ребят интерес к делу. Сообща ставить цель и сообща разрешать её — дело чрезвычайной важности» («Педагогическая энциклопедия» / Под ред. А.Г. Калашникова. М.: Работник просвещения, 1930. Т. 2. С. 522).

Как это работает?

Представьте: в наше время, от Москвы и до окраин, не сыскать ни одного специалиста по полному школьному дню! Учителя из разных городов звонят, жалуются, сердятся, просят назвать заветный телефонный номер. Как бы не так: не то что института — даже одного-единственного человека, который мог бы толком разъяснить, как это работает, не видно. Практика бессистемна, архаична, слишком громоздка, хитроумна или, наоборот, до смешного наивна; теория же (если не считать прекрасные труды Эдуарда Костяшкина почти сорокалетней давности) вовсе отсутствует. И всё-таки попробуем, насколько сумеем, воспроизвести эту некогда великолепно организованную в дореволюционной России традицию — по лучшим современным европейским образцам.

Учитывая, что старшая школа ориентировочно к 2006 году становится профильной, а у начальной своя известная специфика, перед страной во весь рост встаёт проблема основного и, похоже, самого слабого звена модернизации образования. Именно подростковая школа, как известно, поставляет обществу самое большое число криминальных проблем и кричащих головоломов. Сколько же стоит полный день для среднестатистического ученика основной школы? Кто будет готовить специалистов принципиально нового для России профиля — освобождённых классных наставников (тьюторов)? Какие материальные и прочие стимулы могут способствовать пере-

ключению наших «полушкол» на новую, полудневную модель работы? Какие санитарно-гигиенические стандарты обеспечат функционирование школ в новых условиях, привлекая сюда даже самых недоверчивых и требовательных к качеству быта учеников? Все эти вопросы требуют обстоятельного обсуждения и точных экономических расчётов.

В 1929 году в статье «Американская школа продлённого дня в советских условиях» Надежда Крупская писала: «...Постоянная занятость взрослых делает домашнюю жизнь ребят очень мало благоприятствующей их развитию. Поэтому в Америке поставлен со всей серьёзностью вопрос о продлённом дне, где учёба чередуется с трудом и игрой. Школы этого типа представляют собой большие здания, где, кроме классов, имеются театральные, гимнастические залы, мастерские, библиотеки и пр. В план продлённого дня входят игры и труд: на игру уделяется столько же времени, сколько на учёбу...»

Интересно, что в **современной Англии** школьный учебный процесс ежедневно прерывается в полдень непрерывным «национальным» футболом на открытом воздухе. Обязательные занятия в классах продолжаются до половины четвёртого. Заданий на дом практически нет. Питание — на уровне домашней кухни. А подоконники учебных помещений сплошь уставлены бутылками с минеральной водой: молодому организму, считают британцы, необходимо много воды, чтобы активизировать обмен веществ.

В **Бельгии** во второй половине дня все кружки по интересам ведут родители учащихся. Школа для маленьких **японцев** стала, по сути, вторым домом: после обеда преподаватели активно консультируют учеников, организуют спортивные соревнования и конкурсы, встречаются с родителями. Поэтому и перемены между уроками длиннее, и жизнь богаче на события и краски.

Во **Франции** та же история: все успевают в течение «длинного дня», поэтому на дом, как и англичанам, задают

лишь раз в неделю, в пятницу, и очень мало. Вместо английского футбола — обязательный спортивный урок, но тоже каждый день. Ролики, самокат, велосипед, мячи — всё пускается в ход: рядом со школой, как правило, много парков, зелёных аллей.

Даже благополучная **Америка**, где большинство матерей сидят дома вплоть до исполнения детям 12—14 лет, начиная с 1990-х годов вновь озаботилась этой проблемой. За океаном поняли, что профилактика дешевле, чем искоренение последствий подростковых бунтов, разборок и тихих депрессий.

Вместе с тем в ряде американских штатов детей до 12 лет не разрешают оставлять дома одних — под страхом уголовного преследования. Родители за такое прегрешение приговариваются к внушительному штрафу. Где же должны быть дети днём? И кто, если не профессионалы педагогической службы, могут и должны организовать (по настоянию, то есть согласию «клиента») здоровый и безопасный досуг детворы, полезное разнообразие интеллектуальной деятельности — и на каникулах, и на занятиях, и между ними (при условии свободного входа-выхода из «пула»)?

В **США** за рационом школяров зорко следит национальная пресса. «Карты блюд» — что и в каком округе подаётся каждое утро на завтрак — публикуются в местных разделах газет дважды: на неделю вперёд и в день, когда этот завтрак едят. У нас, завидя жуящего во время занятий ученика, преподаватель, скорее всего, одёрнет нарушителя. А в американской школе все привычно начинают день с лёгкого перекуса прямо за партами.

Здравый смысл, безопасность детей, минимальный комфорт — три кита западной технологии «полного дня». При этом в каждом учебном помещении (скажем, в **Испании, Австралии**) предусмотрены встроенные многоярусные стеллажи с персональными ячейками — для учебников, тетрадей. Чтобы дети не тас-

В последнее время постоянно говорят о школах полного дня. Большая ответственность за воспитание в этом случае ложится на школу, учителей. Но у родителей значительно уменьшится время на общение с собственным ребёнком.

Е.В. Бутылина,
заместитель
директора по учебно-
воспитательной
работе гимназии № 6
г. Красноармейска
Московской области

кали домой и обратно тяжеленные портфели. Быт отлажен до деталей — вдоль широких коридоров оборудованы тумбочки для спортивной одежды типа детских (можно всегда переодеться, а не проводить весь день в одном и том же костюме), имеются платные сейфы для ценных вещей, титаны (наши офисные бойлеры), автоматы с газировкой, сладостями, сэндвичами, «горячие» буфеты.

«Восьмичасовые» учителя

Или другой, географически более близкий пример. Вплоть до 1985 года миллионы маленьких **шведов** оставались в точности такими же, как их российские ровесники, сиротами при живых, любимых, но безотрывно занятых службой родителей. Утром Малыш шёл на уроки, а днём ждал дома Карлсона, живущего на крыше: больше ему не с кем было поговорить. Дело в том, что ослеплённая успехами советского всеобуча шведская школа работала полдня, между тем как родители учеников — с утра до вечера. Вот почему центральное правительство и предложило 20 лет назад своим учителям и воспитателям («универсальным учителям») выгодный контракт: мы готовы платить вам больше, но за полный 8-часовой рабочий день — сначала в классе, потом в необязательном клубе по интересам, кружке или спортивной секции. Учительство вступило в жёсткие переговоры с представителями государства, но в результате согласилось на 40-часовую рабочую неделю в обмен на обязательство властей капитально оснастить учебные заведения умной техникой и спортивно-культурно-оздоровительным инвентарём.

Обратим внимание: учитель-предметник в «полной школе» организует свой персональный **кабинет полного дня**. Это его ноу-хау, патент. В таких условиях и технология передовых учителей работает весь день, всегда открыта для прогресса. При этом, очевидно, начинается взаимопользовательный обмен сугубо авторскими до-

стижениями между преподавателями разных дисциплин. В противном случае переживаемый школой идейный, культурный, технологический застой, скорее всего, преодолён так и не будет.

Теперь вопрос «За что мы платим учителю?» обретает новый вариант ответа. Главным **результатом деятельности педагога** становится... день, полный ярких событий, дел, занятий, классов, студий, игр, встреч. При этом заинтересованные учителя смогут и дальше заниматься репетиторством, но в школьных стенах. Кто-то из известных экспертов даже резче сформулировал: не смогут, а должны, за кровную зарплату, потому что школа обязана готовить в вуз тех, кто к этому стремится.

Вот он, самый насущный и безопасный национальный стандарт. Государство оплачивает педагогу полный день, препоручая ему жизнь ребёнка, его интеллектуальный рост, здоровье, самочувствие. Не только ученик, но и учитель энергично ищут себя в новом, куда более свободном на вход-выход, интеллектуальном «Диснейленде». Школьный преподаватель тут действительно наставник, защитник детских прав и интересов — психолог, классная дама, тьютор, педагогический менеджер.

Оказывается, и это доказал в своих трудах известный учёный, доцент МГУ Милослав Балабан, даже внутри одной отдельно взятой школы, работающей non-stop, можно выбирать по вкусу: Вальдорфскую или Монтессори, художественную, языковую, музыкальную. Или студию, мастерскую: театральную, автомобильную, токарную, балетную. Наконец, учителя или команду по интересу. Это подтверждает практика многих именитых педагогов, от Антона Макаренко и Василия Сухомлинского до Сергея Казарновского и Михаила Щетинина. Если, конечно, мы действительно готовы подарить ученику такое право — каждую минуту выбирать себе старших и младших сотрудников «по бизнесу» без риска быть отвергнутым.

В общем ряду чиновничьих забав довольно часто всплывает идея на плечах нищих и забытых учителей возродить или создать школы полного дня как режимный способ антидемократического помещения детей в школьные вольеры, пересчитывания по головам, прельщения бесплатным ужином, затаскивания в кружки и секции, что, однако, не отрицает полезной роли кружков вообще.

И невдомёк этим господам, что при объективной значимости и полезности идеи полного участия социума в создании условий для самореализации и развития учащихся в течение дня с учётом возможностей всего социума и интересов детей, формальный подход к этому только загубит дело.

В. М. Лизинский,
кандидат педагогических наук,
профессор

П Р Я М А Я Р Е Ч Ь

Владимир ФИЛИППОВ,
экс-министр образования РФ:

— Я бы сказал, что вопрос «обязательно или необязательно» будут решать в Москве. Но то, что надо отрабатывать и работать в этом направлении, абсолютно несомненно. Потому что вы прекрасно понимаете, какие сейчас самые лучшие школы. Как правило, частные, с полным пансионом. Они идут по схеме школы полного дня. Их опыт почти никто не использует: в большинстве очагов знаний коллеги отработали с 9 до 14, и до свидания.

Есть и другая проблема: мы должны изменить систему оплаты труда учителя. Я был страшно расстроен, когда мы направили в регионы стандарты школьного образования. И пошла критика, что, вот, «сократили» биологию и географию. Я получил официальные ответы от субъектов федерации: 98,2% писем содержали страстные призывы сохранить объём стандартных программ по ряду предметов — иначе число часов уменьшается, зарплата тоже. Потому что на биологию, химию не набирается полная нагрузка и зарплата маленькая. Мы не думаем про ребёнка, не думаем про качество, а говорим: давайте нагрузим.

Поэтому зарплату учителя необходимо «расцепить» с количеством аудиторных часов. И чтобы было так: с 9 до 18 часов ты в школе. Вот — твоя зарплата. Неважно, четыре часа у тебя в неделю или 12. После этого веди факультативные занятия, кружки, работай с отстающими, с родителями... Если мы не разорвём порочную связь зарплаты с количеством уроков, то так и будем перегружать и перегружать нашего школьника.

**Из выступления на брифинге
в «Комсомольской правде»**

Предварительные выводы

Школа полного дня выполняет весьма многогранную общественную миссию; она заключает в себе пользу тройного, как минимум, действия.

1) Для учителя. Благодаря полному 8-часовому дню (40-часовой рабочей неделе) он в перспективе сможет получать другую, более достойную зарплату. Или, во всяком случае, существенно повысить свой материальный статус, используя платные кружки второй половины дня.

2) Для ученика. Сейчас его рабочий день никак, по сути, не нормирован. В этом смысле родители «стахановца» находятся в более привилегированном положении: взрослый, в отличие от маленького, сдал работу и свободен. Если же школа хотя бы избавит ученическую молодёжь от обязательных заданий на дом, то тем самым сократит детский рабочий день до 17.00 или 18.30, оставив весь вечер на отдых с друзьями или в семье.

3) Для общества. Семья благодаря новой модели организации школьного дела обретает спокойствие за ребёнка, целиком или частично освобождаясь от традиционного домашнего надзора за его успеваемостью. Если раньше учитель с лёгкостью ставил ученику «двойку» и не медля предъявлял претензии к его родителям за невыученный урок, то теперь у семьи появляется встречное право спросить с педагога: «А почему вы плохо учите моего сына? И чему конкретно научили?»

Домашняя атмосфера в «школьных» семьях становится куда менее наэлектризованной, конфликтной.

И всё-таки главное условие успешности этого проекта упирается, понятно, в материальные стимулы и предпосылки. Педагоги ШПД, как полагают многие экономисты, не подачки должны получать от государства за свой труд (в виде традиционных приплат за различные виды работ и услуг, «дополнительные часы» и пр.), а гарантированный заработок за полный восьмичасовой рабочий день, в размере порядка хотя бы 10 тысяч рублей ежемесячно.

Но при этом — только самые достойные, подтвердившие свой неоспоримый авторитет среди детворы, привычку делить с ними заботы и радости от зари до зари.

Это значит, что не может и не должно быть *разового и всеобщего* повышения учительской зарплаты в обмен за работу «в полный день». Иная модель жизни предполагает и некий новый механизм оценки качества работы педагога, весьма индивидуальный и пластичный.

Кстати. По утверждению главы департамента образования Москвы Любови Кезиной, переход на «полный день» начат в столице по инициативе родителей, желающих, чтобы ребёнок после занятий смог реализовать свои способности в кружках и выполнить домашнее задание под руководством профессионалов. По словам Л. Кезиной, содержание таких школ втрое дороже обычных и требует от 2 до 3 млн рублей ежегодно. **НО**